

*А.В.Бузгалин,
доктор экономических наук,
экономический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова*

Закономерности переходной экономики

Приближающийся десятилетний юбилей реформ, начало которым было положено в апреле 1985 г., ставит вопрос о хотя бы первичном обобщении тех закономерностей, которые были и остаются характерными для экономической жизни стран бывшего "социалистического лагеря".

Уже сама констатация того, что экономика является переходной, позволяет выделить ряд абстрактных, подчас кажущихся банальными, но предельно важных для понимания специфики нашей экономики характеристик.

Начнем с очевидного противоречия инерционности и качественных изменений в динамике социально-экономических отношений*.

Понимание нашей реальности как времени и пространства качественных, революционных трансформаций позволяет сделать существенные выводы. В частности, зафиксировать, что содержанием переходной экономики является не столько реформирование экономической политики и методов хозяйствования, сколько преобразование системы социально-экономических отношений. Меняются практически все слагаемые экономики: способ аллокации ресурсов и отношения собственности, тип воспроизводства и модели мотивации, цели и средства экономического развития, институты и право.

Запомним этот кажущийся очевидным, но редко акцентируемый исследователями вывод (он окажется крайне важным для последующего), и продолжим анализ абстрактных закономерностей экономики. Прямым следствием вывода о качественной трансформации производственных отношений как определяющей содержательной характеристике переходной экономики является гораздо более спорное положение: основной детерминантой социально-экономических процессов в переходном обществе служат неэкономические факторы развития. Обоснование достаточно просто: качественные

* Существование этого противоречия переходной экономики, правда в несколько иной форме, обосновано В.Радаевым (см.: Экономика переходного периода. М., 1994. Гл. 1).

изменения в экономике осуществляются на объективной основе, но субъективными методами. К тому же опыт России (где зависимость экономики прежде всего от политических, социальных, национальных конфликтов очевидна), равно как и принципиально различные результаты примерно одинаковых экономических реформ, проводимых в разных социально-политических условиях (Китай и Украина, Чехословакия и Югославия), доказывают этот тезис. Итак, рост или спад (и их темпы, качество), характер воспроизводства ("экономика дефицита" и рынок продавца или рынок покупателя и т.д.), степень развитости рынка, модели приватизации и т.п. определяются влиянием таких факторов, как борьба социальных и политических сил (например, выбор для экономической политики "китайской" модели или модели "шоковой терапии"), национальные и геополитические конфликты, социокультурные и идеологические факторы

Следующий вывод также будет не более чем продолжением первых двух абстрактных характеристик. Складывающаяся как продукт противоречия между инерционностью и качественными изменениями и под определяющим воздействием неэкономических факторов, переходная экономика не может не быть неустойчивой, нестабильной. Последнее, в частности, обусловит целый спектр специфических макроэкономических характеристик, о которых речь пойдет ниже.

Социально-экономическое пространство переходных экономик напоминает "мозаику" из "остатков" экономических подсистем. Различные пласты экономики (сектора с доминированием различных типов собственности, воспроизводства, аллокации ресурсов) "расколоты", и их "осколки" соединены в весьма причудливый узор под воздействием неэкономических и собственно экономических (экономико-технологических прежде всего) факторов. Именно таким, например, стало в 90-е годы социально-экономическое пространство распавшихся СССР и СЭВа.

В свою очередь, социально-экономическое время в переходных обществах течет необычайно быстро (в течение традиционной астрономической единицы — года — сейчас происходит больше качественных экономических изменений, чем в прежние времена за десятилетия) и нелинейно. В процессе экономических изменений наблюдаются как движение от прежней, вошедшей в фундаментальный кризис, системы, так и реставрационно-консервативные тенденции. В условиях неустойчивого развития, мозаичности социально-экономического пространства и нелинейности хода времени, определяющего влияния неэкономических факторов будущее переходной экономики не может не быть поливариантным в качественно большей степени, чем для стабильных хозяйственных систем. Для переходных экономик стран бывшего социалистического лагеря сегодня существует широкий спектр перспектив: через деградацию к зависимой, все более отстающей системе хозяйствования развивающихся стран, через новые индустриальные технологии — к экономической системе развитых государств, стоящих на пороге постиндустриального общества; от сохраняющих "социалистические" атрибуты и базирующихся на общественной собственности экономик типа китайской — к праволиберальным, основанным на частной собственности системам, начавшим с реализации принципов "шоковой тера-

пии". Сразу оговоримся: для России к началу 1995 г. этот спектр сузился до четырехугольника, углами которого являются — с известной долей условности — Колумбия с ее насквозь мафиозной экономикой, Чили времен Пиночета с ее диктатурой на базе частной собственности, рынка и растущих долгов Западу, Югославия с ее радикальными рыночными реформами, переросшими в гражданскую войну, и некая качественно новая модель реформ, пока еще не имеющая аналогов и потому наименее реалистичная*.

Содействие или противодействие движению в том или ином направлении в силу вариативности переходных экономик и существенной роли неэкономических детерминант определяется при этом не столько реальными социально-экономическими возможностями, потенциалом тех или иных объективно возможных моделей, сколько соотношением общественно-политических сил и других неэкономических факторов, с одной стороны, и силой инерции прошлого в динамике той или иной системы — с другой.

Наконец, наиболее очевидная из числа предлагаемых абстрактных характеристик переходной экономики: все ее закономерности действуют лишь в той мере, в какой экономика является переходной, и, наоборот, — экономика носит переходный характер в той мере, в какой действуют ее специфические закономерности. Их влияние нарастает по мере развертывания трансформационных процессов ("перестройка"), оказывается максимально интенсивным в период революций и гражданских войн (Югославия в 1991—1994 гг.; Россия в 1991—1992 гг.), они "отмирают" (или "засыпают") по мере завершения трансформации (Чехия в 1994 г.).

Что означает переходная экономика? Прежде всего нужно констатировать, что в переходной экономике каждой страны пересекаются три фундаментальных тенденции: 1) постепенное умирание (как естественное, так и искусственное) "мутантного социализма"; 2) генезис отношений постклассического мирового капиталистического хозяйства (современной рыночной экономики, основанной на частнокорпоративной собственности); 3) социализация (возрастание роли общественных — групповых, общенациональных и интернациональных ценностей в детерминации экономического поведения) и гуманизация общественно-экономической жизни как фундаментальные предпосылки любых современных трансформационных процессов

Первая тенденция знаменует собой устойчивое, но постепенно отмирающее присутствие в переходной экономике закономерностей прошлого. В сжатом виде суть этой системы может быть выражена категорией "мутантного социализма"**. Появившись как следствие общемировой тенденции социализации и гуманизации экономики, как продукт породивших первую мировую войну глубочайших про-

* Более подробно основные моменты этой модели изложены в работе международного авторского коллектива "Экономика для человека" (М., 1992), а также в серии статей в журнале "Вестник Московского университета". Серия "Экономика". 1993. № 4, 5.

** Этот подход противоречит господствующему ныне взгляду на прошлое как на "командную экономику" и "тоталитарное общество", являющиеся тупиковыми ветвями развития цивилизации. Обоснование авторской позиции см.: Бузгалин А. Социализм: уроки кризиса. Альтернативы. The Alternatives, 1994. Вып. 2(5). С. 4—30.

творечий империализма, этот новый социалистический мир оказался больным, деформированным (мутантным) от рождения. Охарактеризовать эту систему как "мутантную" можно в сравнении не с абстрактным теоретическим идеалом, а с реальной тенденцией социализации экономики.

Причина мутантной природы "социализма" не только традиционно отмечаемый исследователями низкий уровень индустриального развития России. Проблема глубже: мир в целом был готов (в силу обостренности противоречий) к разрушению существовавшей системы (особенно там, где она действительно прогнила), но он не был готов к сознательному созиданию качественно нового общества. Потенциал социального творчества (способность к самоорганизации и уровень культуры) революционных масс был недостаточен для действий, объективно адекватных впервые появившимся возможностям качественного изменения социально-экономических отношений. Как результат этой "ловушки XX в." появились паллиативные формы разрешения противоречия между необходимостью изменений мировой социально-экономической системы и недостаточным потенциалом реформаторских сил.

Одной из них, превратной, стала форма мутантного социализма. Общемировые тенденции социализации (сознательное регулирование экономики, ее ориентация на свободное развитие личности, социальную справедливость) в этом мире приобрели вид бюрократических мутантов (командной экономики, подавления личных прав и свобод, всеобщего огосударствления, уравниловки и т.п.). Как следствие действия этих рецессивных генов, в рамках "социализма" по мере угасания энергии социального творчества, порожденной революцией, начали нарастать неорганичные субституты ("костыли"), помогающие выжить и двигаться мутанту, — госкапитализм, внеэкономическое принуждение, подпольный рынок и частный капитализм. Связанные воедино тоталитарно-бюрократической властью, элементы стали "размывать" экономику и общества стран "социалистического лагеря" по мере того, как "уставал" и крошился бетон тоталитаризма. Крах был неизбежен, и он произошел. Но обломки прошлого живы в переходной экономике и умирают куда медленнее, чем кажется иным реформаторам.

Вторая тенденция может быть прокомментирована весьма кратко. Рождение современной рыночной (постклассической буржуазной) экономики есть процесс одновременно эндо- и экзогенный. Не только специфика разлагающегося прошлого, но и общемировая атмосфера буржуазного мира, рынка порождают генезис этих отношений в переходных системах. (Одной из наиболее жестких форм этой двойственности является, в частности, борьба компрадорских и державных устремлений в социально-экономической жизни России и многих других стран.) В то же время, несмотря на наличие некоторых объективных границ, перед переходными экономиками есть выбор будущего, что связано с множественностью форм, которые принимает процесс экспансии постклассического капитализма в переходной экономике. Это широкий спектр моделей по шкалам "развитости" стран, мер регулируемости, социализации экономики и демократизации общества (от Чили времен Пиночета до Швеции эпохи Улофа Пальме) и т.п.

Наконец, третья тенденция, определяющая конкретные черты и закономерности переходной экономики, — всемирный (в пространстве) и общецивилизационный (во времени) процесс социализации и гуманизации, ставший наиболее интенсивным именно сейчас, на границе третьего тысячелетия. Его слагаемые достаточно подробно описаны в рамках школы "Римского клуба" и др. В самом деле, процесс перехода к обществу, где материальное производство ускоренно вытесняется созданием культуры (образование, воспитание, наука, искусство, рекреация), где главным ресурсом становится творческий, инновационный потенциал работника, где экологические проблемы приобретают первостепенное значение, вводя не только жесткие ограничения, но и новые цели для экономического роста, — в этом мире степень регулируемости и социализации экономики не может не расти, хотя этот рост и носит сугубо нелинейный характер.

Таким образом, переходная экономика может быть охарактеризована как двоякий процесс: трансформации "мутантного социализма" в рыночную систему и одновременного накопления элементов качественно нового социально-экономического состояния, которое условно может быть обозначено как "экономика для человека", о которой мы уже упомянули.

Каковы же содержательные закономерности этой двоякой трансформации?

Некоторые закономерности переходного периода. Логика поиска специфических содержательных закономерностей переходной экономики диктуется как соподчиненностью экономических черт исходной системы ("мутантного социализма"), так и закономерностями процесса генезиса и осуществления трансформационного процесса. В первом случае представляется достаточно аргументированной логика характеристики этой экономики, совпадающая (правда, с противоположными знаками) в трактовке представителями наиболее ортодоксальных школ политической экономики социализма — с одной стороны, и право-либеральной советологии — с другой. И в том и в другом случае в исходном пункте находится определённая форма аллокации ресурсов ("плановость" — "командная экономика"); в центре — способ соединения работника со средствами производства ("свободная ассоциация" — "тоталитарная система") и распределение ("каждому по труду" — "уравниловка"); в качестве *summa summarum* — суть отношений воспроизводства ("закон социалистического накопления" — "экономика дефицита").

В главном эту логику поневоле воспроизвела и история экономических реформ: начавшись с развития товарных отношений, она неизбежно столкнулась с ростом не только рынка, но и капитала (первоначально — полулегального, развивавшегося, например, в СССР под вывеской "кооперативов"), а после радикальных политико-волевых шагов ("бархатная революция" 1989 г. в Чехословакии, распад СССР в 1991 г. и тл.) на повестку дня встала приватизация, а затем "шоковая терапия", призванная покончить с "экономикой дефицита". Так что у меня есть немалые основания следовать подобной логике.

В качестве одной из важнейших закономерностей переходной экономики в области аллокации ресурсов можно выделить качественно большую роль (по сравнению с экономикой "мутантного соци-

ализма", где доминировало бюрократическое планирование, и с "постклассическим капитализмом", где доминирует рынок) или даже доминирование механизмов локального (в социально-экономическом пространстве) корпоративного (монополистического) регулирования. Именно этот механизм, а не абстрактно-мифическая "экономическая свобода", к которой апеллирует, например, Дж. Сакс в своей недавней работе "Рыночная экономика и Россия", считая, что на смену бюрократическому планированию, определявшему жизнь экономических лиц, приходит их независимость. На наш взгляд, ситуация иная: свобода товаровладельца в переходных обществах достаточно иллюзорна. Его поведение здесь детерминруется номенклатурными корпоративными ограничениями не меньше, чем в прошлом бюрократическим планом, хотя, конечно, и в прошлом и ныне подобная детерминация существенно варьируется.

В экономической теории этот механизм в принципе хорошо известен под именем "неполной (монополистической) плановности"*, выступающей в качестве социально-экономической оболочки действия очерченного Я.Корнаи механизма "вегетативного контроля"**. Роль таких механизмов подчеркивалась авторами еще на заре реформ. По их мнению, они качественно отличны как от народнохозяйственного планирования и регулирования, так и от рыночного саморегулирования. Суть этого специфического механизма аллокации ресурсов состоит в том, что отдельные институты экономических систем в силу определенных причин (высокий уровень концентрации производства и (или) капитала, корпоративная власть и т.п.) обретают способность сознательно (но в локальных, ограниченных масштабах) воздействовать на параметры производства поставщиков и потребителей рынка, социальной жизни и т.п.

Подобный механизм отличен от народнохозяйственного планирования по своим субъектам, объектам, целям и содержанию (государство как представитель общества — обособленная корпорация; национальная экономика — часть рынка, производства; общенациональный — корпоративный интересы и т.п.). Но по содержанию он отличен и от рыночного механизма саморегулирования, ибо является многосубъектным, конкурентным (сочетающим экономические и бюрократически-волевые методы борьбы) и в то же время сознательным механизмом формирования пропорций и аллокации ресурсов.

Причины доминирования такого многосубъектного монополистического регулирования экономики достаточно просты: наличие монополизации производства, разрушение старого государственного контроля за корпорациями при слабости нового, неразвитость рыночной конкуренции, в том числе международной и т.п. Соответственно, чем сильнее действие названных факторов (например, в России), тем значимее

* Эта теория была развита в рамках университетской ("цаголовской") школы политической экономии, на что справедливо было вновь обращено внимание. См.: Бузгалин А., Калганов А., Шухтин А. Становление планомерной организации социалистического производства. Томск: 1985. С. 46—50; Бузгалин А., Калганов А. Экономические законы и "административное" управление // Экономические науки. 1987. № 1. С. 48—49, 52; Калганов А. Долой "номенклатурный" капитализм! // Диалог. 1990. № 17. С. 46.

** См.: Корнаи Я. Дефицит. М., 1990. Гл. 7. См. также: Kornai J., Marios B. Non-Price Control. Budapest: Akademiai Kiado, 1981.

монополистический контроль, чем слабее (например, в Восточной Европе) — тем меньше роль этого механизма аллокации ресурсов.

Проявления господства такого механизма в переходной экономике хорошо известны: в той мере, в какой оно существует, экономика "не поддается" радикальным рыночным реформам (либо саботируют реформы, либо "убирают" реформаторов). Так, в России под определяющим господством псевдогосударственных и псевдочастных корпораций находится система пропорций {доминирование суперкорпораций ТЭК и крах легкой промышленности}, динамика цен ("ножницы" цен между сельхозпродукцией и ресурсами для ее производства, рабочей силой и потребительскими товарами и т.д.), финансы (кризис неплатежей) и т.п.

Это не просто олигополистический рынок; это экономика, регулируемая в определяющей степени нерыночным соперничеством корпоративно-бюрократических структур, столкновением их власти и управляющих воздействий, а не государством (как в прошлом) или "невидимой рукой рынка", которая, как было показано Дж.Россом*, в переходной экономике указывает явно не в ту сторону.

Доминирование локального (вегетативного) управления в переходной экономике сочетается с сохранением модифицированного количественно (оно потеряло свою ведущую роль) и качественно (замена преимущественно прямых методов на преимущественно косвенные) бюрократического централизованного управления. Вследствие этого рынок становится деформированным. Его генезис сопровождается спорадическим развитием натурально-хозяйственных тенденций, таких, как сокращение товарности сельского хозяйства, расширение использования бартера, развитие производств-субститутов внутри крупных предприятий, натурализация зарплаты, ограничение вывоза продукции за пределы регионов и др.

Изменения в отношениях собственности. Что касается отношений собственности, то специфической чертой переходной экономики является политика внеэкономической, как законной, так и незаконной (разворовывание госимущества), трансформации бывшей государственно-бюрократической формы собственности в частную (так называемая "приватизация") и содействия независимому развитию частной собственности на основе, во-первых, легализации собственности криминальных структур и, во-вторых, первоначального накопления капитала бывшими служащими по найму у государства. В результате для переходной экономики типичен процесс постоянных качественных изменений форм, права, институтов собственности и процесс передела объектов собственности (их не совсем точно принято обозначать термином "приватизация"). В связи с этим права собственности в нашем обществе специфицированы качественно слабее, чем в устойчивых системах "постклассического капитализма" и "мутантного социализма". Это качественное отличие проявляется, в частности, в том, что транзакционные издержки переходной экономики, вызываемые подобной неспецифицированностью, столь велики, что способны усугубить спад производства (последний при прочих равных условиях тем глубже, чем слабее спецификация прав собственности).

* Росс Дж. Почему экономическая реформа потерпела крах в Восточной Европе и России, а в Китае увенчалась успехом? // Вопросы экономики. 1992. № 11. С 44, 49—50.

Более того, отличительной чертой переходной экономики становится постоянное перераспределение прав собственности и имущества под определяющим влиянием локального корпоративного регулирования ("конкуренции" корпораций) и неэкономических факторов (государственные акты, коррупция и т.п.)*.

Названные закономерности обуславливают тот факт, что формы собственности, юридически зафиксированные в переходных обществах, являются неадекватными их действительному экономическому содержанию. Так, по оценкам экспертов, около двух третей приватизированных, т.е. формально частных предприятий (акционерные общества с ограниченной ответственностью), находятся под контролем государства и трудовых коллективов, что на практике означает концентрацию большей части прав собственности в руках администрации предприятий и государственных чиновников среднего уровня. Кроме того, в России приватизируются преимущественно мелкие предприятия. Косвенно это иллюстрируют следующие данные: в частной собственности в Российской Федерации на 1 января 1994 г. находилось 56% предприятий, но при этом в общем объеме промышленного производства в 1993 г. частные предприятия составляли только 7,9%. Господствовали же смешанные (39,3%) и государственные**.

Действительным содержанием практически всех форм собственности в переходной экономике является корпоративно-капиталистическое отчуждение работников от средств производства. Реальными хозяевами переходной экономики (институтами, концентрирующими в своих руках большую часть прав собственности, прежде всего — распоряжение и присвоение) выступают номенклатурно-капиталистические корпорации. Последними становятся как старые, так и новые хозяйственные структуры-монополисты: 1) способные регулировать производство и рынок в локальных масштабах; 2) предполагающие экономическое (капиталистическое) и внеэкономическое (бюрократическое и т.п.) отчуждение, а также наем работников; 3) возникшие на базе трансформации политико-хозяйственной власти "номенклатуры" в право собственника или (а в ряде случаев "и") первоначального накопления капитала; 4) организованные как закрытые бюрократические корпорации ("командные экономики" в миниатюре).

Эти процессы часто пытаются свести исключительно к формуле "развитие частной собственности", как, например, это делает в уже упоминавшийся работе Дж. Сакс, пропагандируя к тому же очередной миф, что бывшая госсобственность бесплатно распределена среди работников предприятий и населения. Такой вывод можно сделать исключительно при условии отказа от анализа реального распределения прав собственности, апелляции только к законодательным актам и рассмотрения форм, а не содержания отношений собственности.

Между тем даже проведенный выше краткий анализ содержания отношений собственности в переходной экономике стран, порвавших с тоталитарным наследием, позволяет показать, что последние

* Та или другая модель приватизации, принятая в очередном указе Б.Ельцина, например, трансформирует такое распределение сильнее, чем "нормальная" конкуренция.

** Итоги и проблемы приватизации государственных и муниципальных предприятий // Вопросы экономики. 1994. № 6; Ваучер как трагический герой- апогей перед кончиной // Коммерсантъ. 1994. № 14.

характеризуются подавленностью общецивилизационных тенденций как социализации собственности, так и нелинейного "ренессанса" мелкой частной собственности.

Итак, закономерностью переходной экономики является двоякий процесс трансформации отношений собственности. С одной стороны, разложение и внеэкономическая ликвидация государственно-бюрократической системы отношений собственности, легализация криминальной собственности и спонтанный рост частной собственности на основе первоначального накопления капитала. С другой — параллельная трансформация этой формально частной или смешанной собственности в номенклатурно-капиталистическую. Последняя тенденция развивает отчуждение работника от собственности и тормозит использование его хозяйской мотивации, противодействует как развитию социализации собственности, так и становлению частной собственности работников. Можно сделать вывод, что господствующие модели переходных экономик характеризуют процесс интеграции принципов и черт тоталитарно-огосударственной собственности прошлого и тенденции корпоратизации собственности, характерной для современной рыночной экономики.

Асоциальная "яма" трансформации экономики. Среди специфических закономерностей, характеризующих объективную направленность развития и социальные аспекты переходной экономики, бросается в глаза особенность эволюционных целей последней. Характерные для анализируемых хозяйственных систем доминирующие способы аллокации ресурсов и содержание собственности подавляют цели, присущие классической буржуазной экономике (накопление капитала) и общецивилизационной тенденции социализации (свободное всестороннее развитие человека). Такой целью становится все большая концентрация экономической власти в руках номенклатурно-капиталистических корпораций. Под последней мы понимаем не только концентрацию имущества, капитала: это особая форма общественного богатства, соединяющая реальное присвоение средств производства и ликвидных ресурсов с бюрократическим, волевым, насильственным контролем за определенной частью экономики.

От традиционных корпораций развитых стран переходные системы отличает качественно большая степень контроля за рыночными процессами, номенклатурно-бюрократические (а не частнокапиталистические) генезис и сущность, значительно более широкое использование внеэкономических методов концентрации своей власти.

Выше речь шла о концентрации власти, а не просто производства и (или) капитала. По последним двум параметрам положение в разных странах изменяется в противоположных направлениях, но незначительно и медленно: структуру производства трудно переделать за несколько лет. Экономическая же власть (права собственности, контроль за рынком и социальными процессами, экономической политикой и т.п.) быстро перераспределяется, уходя из рук государства и попадая в руки не трудящихся (т.е. большинства общества), а новой государственной номенклатуры, бюрократии среднего уровня, криминальной и "независимой" буржуазии.

Переходная экономика (остановимся в данном случае вновь на России) вследствие этого развивается в направлении, обратном

mainstream общественного развития накануне третьего тысячелетия (эта основная тенденция наиболее точно выражена и полно обоснована в работах теоретиков "Римского клуба").

В то же время эта специфическая цель продуцирует консьюмеризм либо патерналистского (потребительский идеал в рамках и дозах, допускаемых "начальством"), либо агрессивно-псевдоаристократического (характерного для эпохи первоначального накопления капитала) типа, основанного на паразитическом расточительном потреблении.'

Накладываясь на инерцию "мутантного социализма" прошлого, первый порождает замедленное отмирание тенденции к социальному иждивенчеству (когда большая часть бывших и настоящих служащих по найму у государства по-прежнему ориентирована на пассивное "ожидание" мер по поддержке уровня жизни от государства и корпоративных элит).

В свою очередь, традиции бюрократических привилегий инициируют быстрый рост паразитических (по источникам и направлениям использования) доходов, а также их активное "закрытое" (и в значительной степени неэкономическое) перераспределение.

Эти черты становятся закономерностями распределительных отношений в переходной экономике. Соединение корпоративно-капиталистического отчуждения работника от средств производства со спадом производства, пережитками внеэкономического принуждения (своеобразного крепостничества: прописка, ведомственное жилье, слабая подвижность населения), неразвитостью отношений ассоциированности работников (профсоюзов и т.п.) порождает специфические закономерности трудовых отношений. Для них характерно соединение генезиса примитивного рынка труда (атомизация работников, их бесправие по отношению к работодателю, высокая норма эксплуатации) и сохранения названных выше черт дорыночных отношений и деформированных пострыночных (посткапиталистических) феноменов (коллективные предприятия, патернализм, традиции коллективизма и взаимопомощи). В силу названной специфики трудовых отношений они принципиально несводимы к понятию "рынок труда". Соответственно корректируется и механизм занятости.

На место гарантированной занятости и "безработицы на работе" прошлого приходит система двойственной незанятости, для которой характерно сочетание нарастающей "безработицы на работе" с широкими масштабами как "фрикционной", так и застойной безработицы (последняя усугубляется неравномерностью структурного спада и появлением своеобразных "нарывов" безработицы в отдельных регионах и (или) отраслях, которые рассасываются крайне медленно в силу низкой подвижности рабочей силы), с порождаемым последней массовым пауперизмом и т.д. Сохранение "избыточной" занятости находит свое проявление в падении цены труда и в нарастании задолженности по заработной плате (превысившей месячный фонд оплаты труда). В целом, по оценкам ВЦИОМ, безработица весной 1994 г. в России была на уровне 6—7%.

В качестве антитезы этим формам трудовых отношений и безработицы в переходной экономике действует слабая, но устойчивая тенденция к самоорганизации и самозащите работников (независи-

мые профсоюзы и рабочие комитеты, производственное самоуправление, стачкомы и т.п.). Эта тенденция базируется как на общецивилизационном процессе социализации экономической жизни, так и на очищении от мутантных видов формального освобождения труда (энтузиазма и коллективизма) прошлого.

Вследствие особенностей содержания собственности (корпоративно-капиталистическое отчуждение работника от средств производства) и инерции прошлого существенно специфицируется социальная структура обществ с переходной экономикой. Так, работники из наемников государства, обладающих некоторым "энтузиазмом", привычкой к коллективности и социальной защите, превращаются в новый социальный слой, для которого характерны: осуществление коллективной трудовой деятельности; экономическая и неэкономическая зависимость от номенклатурно-капиталистических корпораций; сохранение "формальной коллективности" (привязанность к трудовым и иным коллективам, существующим под определяющим контролем все тех же корпораций) и традиции социального равенства. Нарастание двоякой незанятости приводит к формированию внутри данного слоя потенциальных, а за его границей — реальных пауперов, превращающихся в особую, быстро расширяющуюся социальную группу.

Противоположным по отношению к работникам (в силу господства отношений отчуждения при слабости реформистских тенденций социального партнерства) социальным слоем становится номенклатурно-капиталистическая элита. Средний класс, занимающий промежуточное положение между первыми двумя, формируется в переходной экономике (в отличие от развитых стран, где к нему принадлежат преимущественно лица творческого труда, квалифицированные рабочие и инженеры, мелкие собственники) преимущественно из лиц, обслуживающих элиту (служащие СП, средняя государственная и корпоративная бюрократия, работники элитных финансовых и торговых учреждений, охрана и рэкетеры и т.д.). Соединение в едином воспроизводственном процессе названных специфических черт производственных отношений переходного общества приводит к трансформации ("перевертыванию", "выворачиванию наизнанку") всеобщей закономерности социализации экономики.

В переходной экономике эта общецивилизационная закономерность реализуется в превратном виде: чем выше концентрация экономической власти в руках корпоративно-капиталистической элиты, тем ниже экономический потенциал и возможности свободного гармоничного развития человека; чем глубже асоциальность экономического развития, тем больше возможности для усиления корпоративной власти вследствие дезорганизации экономики, диффузии институтов, деградации и пауперизации широких слоев населения. Иными словами, мы можем сформулировать в качестве закономерности наличие "ямы" асоциальной трансформации экономики. Суть ее состоит в том, что экономики, в которых: 1) в прошлом работники были максимально отчуждены от собственности и сохраняется, принимая новые (прежде всего корпоративно-капиталистические) формы, отчуждение работников от средств производства; 2) производство находится в стагфляционной "ловушке"; 3) реформы

проводятся методом "шока" при минимальной социальной защите, с неполным индексированием доходов в условиях инфляции, экономией госбюджета за счет социальных расходов и т.п.; 4) трансформация осуществляется при политической нестабильности, слабости институтов и законодательства, — такие экономики характеризуются тем, что в них социальные результаты реформ оказываются наиболее трагическими. Статистически это легко иллюстрируется путем сопоставления глубины асоциальной "ямы" в России, Болгарии, Украине и т.п., с одной стороны, Венгрии, Чехии и т.п. — с другой.

Тем не менее во всех случаях сохраняется общая закономерность, ярче всего проявляющаяся в России: экономическая трансформация оказывается выгодной для узкого слоя "новых богатых" из числа номенклатуры и других названных выше групп (около 10% населения), чье благосостояние повышается за годы реформ в десятки раз, и невыгодна для большинства лиц, живущих на заработную плату (более 60% населения), для которых реформы становятся периодом резкого снижения жизненных стандартов (в России с конца 80-х и, по-видимому, до конца 90-х годов); для 30% годы реформ оказываются периодом "риска": часть из них в конце поднимется вверх, часть упадет вниз. Выход из этой "ямы асоциальной экономики" может быть связан как с изменением макроэкономической динамики и преодолением стагфляционной "ловушки", так и с выбором иной модели реформ. Последнее возможно в результате, во-первых, борьбы за социально ориентированную, демократическую и гуманистическую смешанную экономику ("экономику для человека"). Если эта контртенденция будет достаточно мощной, то возможным окажется и сносный компромисс между корпоративной властью и демократическими объединениями граждан, трудящихся. Во-вторых, возможно постепенное реформирование корпоративной системы под эгидой сильной государственной власти, не допускающей лавинообразного нарастания диффузии институтов. Однако этот путь имеет весьма ограниченные возможности и подходит только для обществ раннеиндустриального типа, например СССР 50—60-х или Китая 80-х годов.